

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СВАДЬБЫ: ВЕЩИ-ОБЕРЕГИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ УЗБЕКОВ И РУССКИХ

Турдиалиева Эльнура Батыровна

докторант Анджанского

государственного университета

Андижан, Узбекистан

bturdialiyev@bk.ru

Аннотация: В статье рассматривается символическое пространство свадебного обряда узбеков и русских через призму предметов-оберегов, сопровождающих ключевые этапы ритуала. На материале хлеба, металлических и ювелирных изделий, покрывала невесты, а также ряда дополнительных апотропейных атрибутов выявляется защитная функция вещи в традиционной свадебной культуре, её роль в маркировании перехода невесты из одного социального статуса в другой и в защите молодой семьи от враждебных сил. Предлагается функциональная классификация вещей-оберегов и рассматриваются теоретико-методологические основания их изучения в рамках семиотики традиционной культуры.

Ключевые слова: свадебная обрядность, вещь-оберег, апотропейная магия, символическое пространство, нон, кўзмунчок, покрывало.

Изучение предметного мира свадебного обряда как знаковой системы остаётся одним из перспективных направлений сравнительной этнографии и семиотики культуры. Вещи-обереги, сопровождающие

свадебный цикл, выполняют не только утилитарную, но и глубоко символическую функцию, отражая архаические представления о защите молодой семьи от сглаза, порчи и враждебных сил. В условиях активной трансформации и частичной утраты традиционного свадебного уклада как у узбеков, так и у русских, фиксация и научное осмысление предметного кода свадьбы приобретают особое значение для сохранения нематериального культурного наследия обоих народов. Сопоставительное изучение узбекского и русского материала позволяет выявить как универсальные механизмы апотропейной магии, свойственные множеству традиционных культур мира, так и этнокультурно обусловленные, конфессионально маркированные формы их реализации. Обращение к предметному коду свадьбы соответствует и общей тенденции современной гуманитарной науки рассматривать материальную культуру не как пассивный фон обряда, а как активного участника коммуникации между людьми и потусторонними силами.

Целью настоящей работы является выявление состава, функций и семантики вещей-оберегов в свадебной обрядности узбеков и русских в сравнительно-типологическом освещении: характеристика роли хлеба как оберега и символа единения родов, рассмотрение металлических и ювелирных предметов как апотропейных атрибутов, анализ функций покрывала невесты как оберегающего и переходного символа и, наконец, выявление общих и специфичных черт предметного кода свадьбы в обеих традициях. Материалом исследования послужили полевые этнографические данные, описания свадебной обрядности узбеков и русских в научной литературе, а также фольклорно-обрядовые тексты; использованы описательный, сравнительно-типологический и семиотический методы анализа.

Понятие апотропейной, то есть защитной, отгонной магии было введено в научный оборот в рамках классической антропологии религии и получило дальнейшую разработку в отечественной этнографии и семиотике культуры. Ритуальный предмет в этой перспективе предстаёт как знак, значение которого определяется не столько его вещественными свойствами, сколько местом в структуре обряда и типом производимого с ним действия: бытовые вещи хлеб, металл, ткань в обрядовом контексте приобретают статус медиаторов между «своим» и «чужим», живым и потусторонним мирами. Применительно к свадебной обрядности вещь-оберег может быть определена как предмет материальной культуры, наделяемый в ритуальном контексте способностью защищать участников обряда, прежде всего невесту как наиболее уязвимую, лиминальную фигуру, от сглаза, порчи и враждебных сверхъестественных сил. Функционально такие предметы естественно распределяются по нескольким группам пищевые обереги, металлические и ювелирные обереги, текстильные обереги и прочие бытовые предметы, наделяемые апотропейной функцией, и именно эта логика организует дальнейшее изложение.

Первой и, пожалуй, наиболее показательной группой оберегов выступает хлеб. В узбекской свадебной традиции ритуальное разламывание лепёшки *нон синдириш* сопровождает обряд сговора и символизирует нерушимость достигнутого между родами соглашения; целая лепёшка при этом трактуется как знак благополучия и достатка будущей семьи, а нарушение её целостности вне ритуального контекста расценивается как дурное предзнаменование. В отдельных регионах Узбекистана лепёшку, использованную в обряде сговора, хранят в доме как оберег семейного очага в течение длительного времени. В русской традиции аналогичную функцию выполняет свадебный каравай: молодых встречают хлебом-солью у порога дома жениха, а сама выпечка каравая

сопровождается охранительными обрядовыми действиями к её изготовлению допускались только женщины, состоящие в счастливом первом браке, при замесе теста произносились песенные формулы-благопожелания, а сам каравай украшался фигурками из теста с собственной символикой плодородия. В обеих традициях хлеб выступает универсальным символом плодородия, достатка и защиты домашнего очага, восходящим к глубинным пластам аграрной магии, однако момент и способ его ритуального использования этнически специфичен: у узбеков акцент делается на разламывании лепёшки как акте, скрепляющем договор между родами на добрачном этапе, тогда как у русских хлеб-каравай маркирует момент инкорпорации невесты в дом жениха в день свадьбы. Показательно, что в обеих культурах порча или неудачное исполнение хлебного обряда треснувший, подгоревший, неровно разломленный хлеб интерпретировалась как неблагоприятное предзнаменование для будущего брака, что подчёркивает его гадательно-охранительную функцию.

Вторую группу образуют металлические и ювелирные предметы. Узбекская традиция сохраняет практику использования бусины «от сглаза», как правило синего или голубого цвета, и металлических украшений, которые прикрепляются к одежде невесты или преподносятся женихом как знак защиты от дурного глаза и порчи. Металл, прежде всего железо и серебро, в народных представлениях наделяется охранительной силой, способной отпугивать враждебных духов; с этим связан обычай прикалывать к одежде невесты булавку остриём вниз или зашивать в подол небольшой металлический предмет. Дарение украшений женихом невесте в составе приданое совмещает экономическую функцию материального обеспечения невесты с магической функцией защиты и закрепления брачных уз. В русской свадебной традиции обережную функцию выполняют обручальные кольца, а также булавки и иные

металлические предметы, зашиваемые в одежду невесты «от сглаза»; распространено поверье о защитных свойствах серебра и о недопустимости примерки чужого обручального кольца. Кольцо как таковое в обеих традициях совмещает функцию юридического знака заключения брака и апотропейного амулета непрерывности, поскольку его замкнутая форма символизирует нерасторжимость союза и одновременно «замыкает» защитный круг вокруг его обладателя. Общей для обеих культур является вера в апотропейные свойства металла и практика ношения защитных украшений именно в переходный, наиболее уязвимый период жизни невесты от сватовства до окончательного закрепления в статусе замужней женщины.

Третью группу составляет покрывало невесты. Узбекский платок невесты и обычай сокрытия лица невесты связаны с представлением о её особой уязвимости в переходный период между девичеством и статусом замужней женщины: открытое лицо невесты в этот период считалось незащищённым перед сглазом и враждебными взглядами посторонних. Снятие покрывала в доме жениха, нередко оформляемое как отдельный обряд «юз очар», то есть «открытие лица», сопровождается одариванием невесты близкими родственницами мужа и знаменует её официальное включение в новую семью в качестве полноправного, «видимого» её члена. Русская фата выполняет аналогичную двойную функцию защитную, то есть сокрытие невесты от дурного глаза и нечистой силы, отсюда и белый цвет как символ ритуальной чистоты, и знаковую, маркирующую лиминальный статус невесты вплоть до венчания. В некоторых локальных традициях сохранялся обычай накрывать невесту не только фатой, но и платком поверх головы, что усиливало охранительную функцию текстиля. Сопоставление обнаруживает общую логику покрывала как оберега лиминальной фигуры, характерную для многих традиционных культур мира: покрывало физически и

символически «изолирует» невесту от окружающего мира на время её пребывания в промежуточном, наиболее опасном статусе.

Помимо трёх названных групп, свадебная обрядность обеих культур включает ряд дополнительных предметов-оберегов, играющих вспомогательную, но значимую защитную роль. В узбекской традиции к их числу относится игла, нередко воткнутая в одежду невесты остриём вниз, а также разбрасывание монет и сладостей во время движения свадебного поезда и при переступании невестой порога дома жениха действие, совмещающее функцию жертвоприношения враждебным силам порога с демонстрацией достатка рода. В отдельных регионах сохраняется обычай проведения невесты между двумя огнями или окуривания её дымом гармалы как средства очищения и защиты от сглаза. В русской традиции сопоставимую роль играют красная нить или лента, повязываемая на запястье невесты, зеркало, использовавшееся в гадательных и оградительных практиках, а также нож или иной острый металлический предмет, который клали под порог или под скатерть свадебного стола; осыпание молодых зерном, хмелем и мелкими монетами при входе в дом функционально аналогично узбекскому обычаю и восходит к общей для многих земледельческих культур магии плодородия и достатка. Общим для обеих традиций оказывается представление о пороге, огне и остром металле как о точках повышенной опасности, требующих дополнительной ритуальной защиты.

Сведённые воедино, эти наблюдения позволяют выделить три уровня сходства узбекской и русской предметной обрядности. На уровне универсальных функций оба народа используют единый набор категорий оберегов: пищевые, металлические, текстильные и природно-стихийные, что свидетельствует об общей архаической основе апотропейной магии, характерной для земледельческих культур Евразии в целом. На уровне

структурной локализации в обеих традициях обереги концентрируются вокруг одних и тех же критических точек обряда: сговора, порога дома жениха, момента открытия или сокрытия лица невесты, что соответствует универсальной трёхчастной модели обряда перехода: отделение, лиминальность, включение. Наконец, на уровне конкретно-этнографического наполнения различия обусловлены религиозно-культурным контекстом: узбекская традиция интегрирует доисламские апотропейные практики в общий каркас исламской обрядности брака, тогда как русская традиция совмещает дохристианские аграрно-магические представления с православным обрядовым оформлением. Таким образом, при общей типологической модели предметного кода свадьбы конкретные вещи-обереги и способы их использования выступают маркерами этнокультурной идентичности каждого народа.

Проведённый анализ показывает, что предметный код свадебного обряда узбеков и русских организован общей логикой апотропейной магии: хлеб, металл, покрывало и ряд дополнительных ритуальных атрибутов выполняют защитную функцию в наиболее уязвимый, переходный период жизни невесты и молодой семьи, концентрируясь вокруг ключевых структурных точек обряда. При этом конкретные формы реализации этой логики определяются этнокультурной и религиозной спецификой каждого народа. Предложенная функциональная классификация вещей-оберегов может быть использована как рабочий инструмент для дальнейших сравнительных исследований свадебной обрядности других народов Центральной Азии и Восточной Европы, а перспективным направлением дальнейшей работы представляется анализ трансформации предметного кода свадьбы в современных городских свадебных практиках обоих народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М.: Наука, 1969.
2. Лобачева Н.П. Формирование новой обрядности узбеков. — М.: Наука, 1978.
3. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. — СПб.: Наука, 1993.
4. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. — М.: Наука, 1979.
5. Токарев С.А. Ранние формы религии. — М.: Политиздат, 1990.
6. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. — М.: Прогресс-Культура, 1995.
7. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. — М.: Политиздат, 1980.
8. Жабборов И. Ўзбек халқи этнографияси. — Тошкент: Ўқитувчи, 1994.

